

УДК 32.001+304.42

О. Ф. Оришева, доцент (БГТУ)

**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ» И «СОЦИАЛЬНОЕ»
В ПОСТМАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ ГЕГЕМОНИИ**

Основная цель статьи состоит в том, чтобы проанализировать центральные положения пост-марксистской социальной онтологии Э. Лакло и Ш. Муфф и на ее примере показать, что происходящий в современной социальной теории отказ от эссенциалистских и холистских трактовок общества приводит к радикальному переосмыслению роли и значения политики. В статье рассматриваются основные понятия концепции Э. Лакло и Ш. Муфф, такие как «общее поле дискурсивности», «логика различия», «логика эквивалентности», «узловая точка», «плавающее означующее», «антагонизм» и др. Особое внимание уделяется понятию гегемонии, которое в данной концепции обозначает универсальный политический механизм установления общества. Делается вывод о том, что основным следствием разработки постмарксистской социальной онтологии становится понимание политики как активности, первичной по отношению к любым социальным практикам и институтам.

The main goal of the article is to analyze the basic postulates of E. Laclau and Ch. Mouff's post-marxist social ontology. The conception in question is regarded as an example of the progressive abandonment of essentialist and holistic views on society in contemporary social theory that results in radical rethinking of the role and significance of politics. In the article the basic notions of the conception in question are considered, such as «general field of discursivity», «logic of difference», «logic of equivalence», «nodal point», «floating signifier», «antagonism» etc. Special attention is paid to the concept of hegemony which signifies the universal political mechanism of establishment of society. The conclusion is made that the principal implication of post-marxist social ontology is interpretation of political activity as prior to social practices and institutions.

Введение. Единого определения политики не существует и едва ли оно возможно в принципе. Однако практически все, более или менее устоявшиеся трактовки этого феномена в поле социальных наук опираются, явно или неявно, на допущение, что политическая активность, независимо от того, кто является ее субъектом, всегда вписана в некоторое пространство с определенными границами. Именно «общество» как предельная рамка всякого социального опыта оказывается тем «местом», в котором происходит противостояние социальных групп, борьба партий, осуществляется регулирующая деятельность государства. Такого рода понимание политики является характерным и для классического марксизма. Так, несмотря на то, что Маркс придает экстраординарную значимость феномену «классовой борьбы», в конечном итоге область политической активности оказывается у него именно «областью», занимающей свое место в общей топографии социального, а именно на уровне «надстройки». Центральная задача этой статьи состоит в том, чтобы показать, что отход от понимания общества как некой всеобъемлющей тотальности, который происходит в социальной теории постмарксизма, проецирует радикально отличное от обозначенного выше понимание политики и приводит к пересмотру самого соотношения социального и политического.

Основная часть. Зарождение постмарксизма можно условно датировать 1968 г., основ-

ные события которого – вторжение СССР в Чехословакию и «майская революция» во Франции – породили в европейской культуре ощущение глубокого разочарования как в теории марксизма, так и в ее политических воплощениях [1, р. 2–3]. Одной из реакций на духовно-политический кризис марксизма становится постмарксизм, который, строго говоря, нельзя назвать ни течением, ни традицией, ни школой. Скорее, постмарксизм – некая идейная «орбита», в которую (почти всегда лишь отчасти, в определенный период творчества, в определенном аспекте) попадают мыслители самого разного масштаба и степени интереса (К. Касториadis, А. Горц, А. Хеллер, А. Бадью и др.). Общим для этих мыслителей является, пожалуй лишь то, что кризис марксизма они воспринимают не как повод «поставить на нем крест», а как определенный вызов, связанный с необходимостью переформулировать марксов проект общественной эмансипации таким образом, чтобы этот проект стал адекватен реалиям «позднего капитализма».

Характерно, что лишь в одном случае термин «постмарксизм» используется как самоназвание, а именно в случае авторского тандема Э. Лакло и Ш. Муфф, чья книга «Гегемония и социалистическая стратегия» (1985) [2], по словам С. Жижека, стала подлинным «прорывом» в социальной теории. В этой работе очень четко сформулирована парадигматическая для постмарксизма уста-

новка: сохранить верность начинанию Маркса сегодня возможно только ценой радикального пересмотра его концепции.

Кардинальный разрыв Э. Лакло и Ш. Муфф с классической традицией обнаруживает себя, в первую очередь, в том, что авторы отказываются от понимания экономических процессов как своеобразной субстанции социального и рассматривают общество как сугубо символическую реальность, «ткань» которой образуется сосуществованием различных дискурсивных (семиотических) систем. В основе подобной трактовки лежит не отрицание объективного существования материального мира, а скорее акцент на том, что присутствие в нашем опыте объектов всегда опосредовано символически и всякая материальная практика эффективно функционирует лишь в том случае, если она включена в поле осмысленного, нагружена определенным значением. В данном случае центральным для понимания общества становится понятие «общего поля дискурсивности».

При таком подходе единственно доступной для исследования реальностью оказывается именно пространство сосуществования и взаимовлияния дискурсов, а задачей социального теоретика является поиск и установление регулярностей и «логик», которым эти процессы подчиняются [3, с. 130]. Законы функционирования поля социального описываются у Э. Лакло и Ш. Муфф с помощью ряда понятий, к которым принадлежат «логика различия», «логика эквивалентности», «узловая точка», «плавающее означающее», «антагонизм» и, конечно, «гегемония». Отметим, что выбор концептуального аппарата в данном случае указывает на значительное влияние не только марксистских авторов (А. Грамши, Л. Альтюссера), но, пожалуй, в первую очередь, влияние постструктурализма (в лице М. Фуко), деконструктивизма Ж. Деррида и психоанализа Ж. Лакана.

Логика различия. Как уже было сказано выше, любой объект становится объектом нашего опыта лишь при условии его включенности в ту или иную символическую систему. «Логика различия» указывает на то, что идентичность объекта в рамках системы (независимо от того, идет ли речь о языковом знаке, социальном статусе или материальной вещи) всегда сугубо дифференциальна, соотносительна. Скажем, мы в состоянии идентифицировать конкретного человека как представителя среднего класса не столько потому, что он обладает какими-то субстанциональными признаками, а потому, что существует система социальной стратификации, в рамках которой

средний класс соотнесен с андерклассом и элитой. В силу того, что ни одна дискурсивная система не является замкнутой, абсолютно устойчивой, столь же нестабильным оказывается и значение ее элементов.

Если логика различия объясняет, почему значение «по природе» своей нестабильно, указывает на постоянное «скольжение означающего над означаемым», то логика эквивалентности объясняет, за счет чего это скольжение может быть приостановлено и значение может быть вообще зафиксировано в качестве такового.

Логика эквивалентности. Данное понятие отсылает к закономерностям образования дискурсивных систем, основным механизмом которого является связывание (артикуляция) разрозненных элементов (так называемых «плавающих элементов») вокруг некоего центра и установление между ними, благодаря отсылке к этому центру, отношений эквивалентности (равнозначности). Как пишут Э. Лакло и Ш. Муфф: «Всякий дискурс конституируется как попытка подчинить себе поле дискурсивности, приостановить поток различий, утвердить некий центр. Мы будем называть привилегированные дискурсивные точки этой частичной фиксации *узловыми точками*» [2, р. 112]. Если в качестве примера дискурсивной системы взять политическую идеологию, то такой узловой точкой будет некий центральный концепт, своеобразное «жесткое ядро», которое закрепляет за другими понятиями, входящими в идеологическое поле, определенное значение. В случае марксистской идеологии таким ядром будет, по всей видимости, концепт «классовой борьбы», так как именно он в данном случае будет определять конкретный смысл таких «плавающих означающих», как «демократия», «феминизм», «борьба за экологию», «справедливость», «равенство» и др. [4, с. 94]. Соответственно, будучи «пристегнуты» к другой узловой точке, в рамках, например, идеологии неолитерализма те же самые понятия приобретут совершенно иное звучание. Важно понимать, что как «логика различия», так и «логика эквивалентности», являются двумя сторонами одной медали и указывают на проблематичность связи любого концепта с тем или иным референтом. Строго говоря, проблематичной оказывается сама возможность референции.

Не исключением оказывается и такой концепт, как «общество», поэтому одним из центральных положений социальной онтологии Э. Лакло и Ш. Муфф становится тезис «общество не существует». Как говорят авторы: «Незавершенный характер всякой тотальности ставит нас перед необходимостью отказаться

в своем анализе от установки рассматривать „общество” как безразрывную (*sutured*) и саму себя определяющую тотальность» [2, p. 111].

Действительно, если внимательно проанализировать наш социальный опыт, то можно прийти к вполне очевидному выводу, что мы никогда не сталкиваемся с обществом «как таковым», но лишь всегда с отдельными фрагментами социальной реальности, которые неосознанно и, как правило, некритически мы заключаем в воображаемую рамку, вписываем в предполагаемую тотальность социального целого. Понятие общества играет роль, аналогичную роли кантовских «трансцендентальных идей», т. е. оно задает единство социального опыта, однако само по себе никогда в опыте не дано. Таким образом, в соответствии с позицией Э. Лакло и Ш. Муффа «общество» следует понимать не как существующий в самой реальности мегаобъект, а как определенный воображаемый образ, утвердившийся в той или иной культуре в тот или иной промежуток времени.

Антагонизм. Искусственный, рукотворный характер этого образа становится очевидным в ситуации политического противостояния различных социальных групп, стремящихся утвердить собственное представление о социальном и преобразовать в соответствии с ним наличные практики и институты. Именно опыт *антагонизма*, противоборства политических волей, позволяет осознать тот факт, что социальная реальность никогда не является объективной данностью, что нет общества вообще, но лишь конкурирующие между собой проекты общества. Очень удачную интерпретацию этого тезиса мы находим у С. Жижека: «Классовая борьба – это, в конечном счете, борьба за значение общества „как такового”, борьба, в которой оба класса будут навязывать себя в качестве заместителя общества, „как такового”, тем самым низводя своего противника к представителю не-Социального (разрушения общества, угрозы обществу)...» [5, с. 86].

Итак, общество «как таковое» оформляется в результате попытки (всегда лишь отчасти успешной) создать с помощью политических средств унифицированное символическое пространство, единство которого подспудно раскалывается антагонизмами. Однако, как говорят Э. Лакло и Ш. Муфф, общество, не будучи всецело возможным, не является также всецело невозможным [2, p. 129]. И если понятие антагонизма призвано объяснить, почему общество никогда не в состоянии конституировать себя как единое целое, замкнутую и самоопределяющуюся тотальность, то понятие гегемонии объясняет, почему социальная ткань, как пра-

вило, не разрушается, способна сохранять и воспроизводить свою «текстуру».

Гегемония. В концепции Э. Лакло и Ш. Муффа данное понятие обозначает универсальный механизм установления социального, очерчивающий конкретные «контуры» общества и удерживающий его от распада. Суть действия данного механизма состоит в том, что *партикулярное* (отдельная социальная группа, определенная идеология) занимает место *универсального*, становится означаемым отсутствующей тотальности, начинает олицетворять несуществующее и невозможное «общество в целом». Эту мысль можно выразить несколько иначе: для существования общества необходим (негласный, как правило, нерелексируемый) консенсус по поводу универсальных ценностей, общее признание легитимности действующих институтов, единство мировоззренческих предпосылок. Другими словами, социальное взаимодействие должно опираться на некие универсальные основания, в противном случае раздирающие общество антагонизмы могут привести к полному распаду социальных связей. Специфика позиции Э. Лакло и Ш. Муффа заключается в том, что они трактуют универсальное не содержательно, а структурно. По их мнению, универсальное – это не некие вневременные, независимые от обстоятельств места и времени ценностные ориентиры, а «пустое место», всякий раз заполняемое с помощью ресурсов конкретной идеологии, берущей на себя полномочия репрезентации общезначимого. Как подчеркивает Э. Лакло, именно стратегии заполнения этого символического «места» образуют сущность политики, конкретным содержанием которой становится борьба за значимые в данном социальном контексте «плавающие означающие», такие как «свобода», «равенство», «стабильность», «справедливость» и др. Для того чтобы утвердиться в качестве общезначимой, идеология, претендующая на статус духовного гегемона, должна включить эти ценности в собственное поле, придав им совершенно определенное значение. Без достижения доминирования на духовно-символическом уровне политическое доминирование оказывается крайне проблематичным, если не невозможным в принципе.

Заключение. Важнейшим результатом социально-онтологических изысканий Э. Лакло и Ш. Муффа становится радикально новое (по сравнению с марксистским) понимание политической активности. Во-первых, политика начинает рассматриваться как фактор, действующий не на онтическом, но на онтологическом уровне: по сути, «политическое» (динамическое противостояние различных социальных

групп) оказывается первичным по отношению к «социальному» (устоявшимся формам общественной жизни). Во-вторых, политика трактуется как борьба, локусом которой является сфера означающего. Благодаря этому акценту на символической природе политической власти концептуальный аппарат Э. Лакло и Ш. Муфф оказался очень востребованным в современных прикладных социальных и культурных исследованиях, в частности в области идеологической критики. Важно также упомянуть, что «амальгамирование» постструктуралистских и лакановских понятий с марксистской проблематикой позволило авторам разработать собственный, весьма оригинальный и интересный с практической точки зрения проект борьбы за эмансипацию в условиях позднего капитализма, ориентированный на идеал «радикальной и плюральной демократии».

Литература

1. Tormey, S. Key thinkers from critical theory to post-marxism / S. Tormey, J. Townshend. – London: SAGE Publications, 2006. – 234 p.
2. Laclau, E. Hegemony and Socialist Strategy / E. Laclau, Ch. Mouffe. – London; New-York: Verso, 1985. – 201 p.
3. Гололобов, И. В. Теория политического дискурса Эрнесто Лаклау: введение / И. В. Гололобов // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. – Краснодар, 2003. – Вып. 3. – С. 129–136.
4. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек; пер. с англ. В. Софронова. – М.: Художественный журнал, 1999. – 238 с.
5. Жижек, С. 13 опытов о Ленине / С. Жижек; пер. с англ. А. Смирнова. – М.: Ad Marginem, 2003. – 254 с.

Поступила 02.04.2010